

Г. А. МОЛЬКОВ

ИСТОРИЯ СЛОВА *ПОЛ* ‘ПОЛОВИНА’ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII В.

(по материалам картотеки «Словаря русского языка XVIII в.»)

История слова *пол* ‘половина’, постепенная смена его отдельных семантических, морфологических и синтаксических характеристик обусловлены его тесным взаимодействием с числительными. Уже в древнейших письменных памятниках наблюдается активное применение этого существительного в счетной функции. Частотность употребления в счетно-количественном значении привела к тому, что существительное *пол* приобрело грамматические свойства, специфические для счетных слов. На базе новых характеристик происходит реинтерпретация данного элемента в системе языка. Современное состояние лексемы показывает, что она сохраняет самостоятельность в качестве числительного только в ограниченном круге контекстов и в ряде своих значений применяется только в составе сложных слов. Таким образом, в истории взаимодействия слова *пол* с разрядом числительных существовало несколько стадий.

1. Изучение истории числительных

Этапы истории числительных в русском языке на настоящий момент описаны в разной степени. Наиболее подробное исследование О. Ф. Жолобова посвящено преимущественно материалу XI—XIV вв., также используются источники XV—XVII вв. [Жолобов 2006]; отдельные разделы исследования посвящены употреблению слова *пол* в функции числительного, с некоторыми дополнениями они опубликованы также в виде отдельной статьи [Жолобов 2005]. Числительным в языке XI—XVII вв. посвящены работы И. М. Багрянского [1957] и Л. Н. Дровниковой [1985]; в первой из этих работ отдельная глава посвящена дробным числительным с *пол* [Багрянский 1957: 44—68]. Числительные с элементом *пол* в текстах XIV—XVII вв. описаны также в отдельной статье Л. Н. Дровниковой [1959]. В монографии А. Е. Супруна русскому материалу XII—XVIII вв. посвящено всего несколько страниц [Супрун 1969: 165—170].

Состояние числительных в XIX—XX вв. описано в ряде обобщающих исследований [Виноградов 2001; АГ-1960; Зализняк 2002; АГ-1980], а также в специальном исследовании И. А. Мельчука [1985]. Наблюдения над особенностями употребления *пол* в современном языке содержатся и в специальных статьях [Качевская 1969; Осовская 1971; Немченко 1978]; семантический аспект на материале XIX в. рассмотрен в статье С. А. Пономаренко [1985].

К истории числительных в языке XVIII в. исследователи обратились лишь в недавнее время. В исследовании И. Н. Дьячковой, посвященном особенностям данной части речи во всей совокупности ее разрядов в XVIII в., указывается на «неравномерность в изучении нумеративных лексико-грамматических разрядов» в целом в истории языка и в частности слабую степень изученности дробных числительных [Дьячкова 2009: 39]. Истории числительных с *пол-* (*поль*) посвящен специальный раздел, где приводится ряд важных для настоящего исследования примеров [Там же: 185—193]. Отдельные аспекты истории количественных числительных по материалам КСXVIII рассмотрены в работе М. Н. Приемышевой [2012]. Автор отмечает, что для количественных числительных «XVIII век стал значимым и определяющим по целому ряду параметров» [Приемышева 2012: 189]. В статье не привлекается материал по слову *пол*, хотя в свете той эволюции, которую прошла эта лексема от древнейшего периода до современности, именно данные текстов XVIII в. могут оказаться особенно важными в реконструкции ее истории.

2. Сопоставление статуса слова *пол* в древнерусский и современный период

В текстах XI—XIV вв. *пол* в составе счетных конструкций — половинного квантитатива, — как и в свободном употреблении, во всех падежах управляет зависимым словом в РП [Жолобов 2005: 202]; об этом свидетельствуют также данные Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. [СДРЯ: 99—100]. В большинстве случаев с управляемым словом используется согласованная краткая форма порядкового числительного (вне рамок этой конструкции неупотребимая). В таких случаях «порядковое числительное обозначает целое число единиц, предшествующее порядковому числительному, и половину названной числительным единицы, т. е. **polъ tretʹja voza* — это ‘два с половиной воза’» [Жолобов 2005: 202]. Разновидностью этой конструкции является простой половинный квантитатив: «Порядковое числительное *първъ* в простом половинном квантитативе не употребляется, так как *поль* имеет искомое значение ‘½’» [Там же: 204]. Простой половинный квантитатив в исходном виде изменяется так: *поль воза* (ИП) — *полоу воза* (РП) — *полоу воза* (ДП)¹ — *поль воза* (ВП) —

¹ Исконная форма ДП по **и*-склонению *полови* не употребляется уже в древнейший период [Шульга 1978: 14].

польма воза (ТП) — *полоу воза* (МП). Правильная форма ТП, видимо, применялась редко и достаточно рано заменялась под влиянием остальных косвенных падежей на *полоу* в русле общей тенденции форм числительных к установлению оппозиции «именительный падеж — общий косвенный» [Дровникова 1985: 94].

В описании современного состояния слова *пол* в русском языке не наблюдается единства мнений. Несомненна утрата этим словом самостоятельности, и одни исследователи предполагают полное превращение *пол* в аффикс [АГ-1960: 178; Качевская 1969: 328; Осовская 1971: 58; Буланин 1976: 90; Граудина и др. 1976: 260; Виноградов 2001: 257], другие же наблюдают препятствия к трактовке таких образований как универбов в позиции И—ВП [Шахматов 1941: 173; Зализняк 1980: 74; 2002: 78; Мельчук 1985: 280—288; Еськова 2009: 66²]. При этом даже исследователи первой группы признают, что при рассмотрении образований типа *полвоза* как полностью лексикализованных приходится оговаривать некоторые нетипичные для существительных свойства. Часть *пол* оказывается при такой трактовке морфемой с необычными свойствами: в начальной форме «*пол*- требует родительного падежа, а косвенный падеж *полу*- является согласуемой морфемой» [Виноградов 2001: 257]; такую морфему (независимо от второй части сложений) В. В. Виноградов рассматривает в едином списке с разрядами числительных (самостоятельных слов), которые он выделяет в русском языке, т. е. элемент сложного слова принадлежит не той же части речи, что все слово в целом. Эта странность присутствует и в формулировке АГ-1952 — «сложные имена существительные с числительным *пол*-» [АГ-1952: 178]. Подобные квазиунивербы Г. А. Качевская предлагает называть «недостаточными» существительными, поясняя, что это существительные «с неполным проявлением в них грамматических категорий, присущих данной части речи» [Качевская 1969: 328]. Если учесть, что большая часть постулируемых сложных слов типа «*тол* + РП» не склоняется и «не имеет ярко выраженных признаков рода» [Осовская 1971: 57—58; ср. Левашов 2012], то непонятно, какие грамматические категории, присущие существительным, в этих «недостаточных» словах проявляются.

Противоречия подобного рассмотрения элемента *пол* наглядно представлены в конечной формулировке В. Е. Осовской: «Итак, образования с компонентом *пол*- грамматически представляют собой слова особого типа. Они не могут рассматриваться как полноправные существительные, так как стоят особняком по характеру проявления основных категорий имени существительного (род, склонение, падеж, число) и по синтаксической роли в предложении... Целесообразно относиться к этим словам как к количественно-именному сочетанию» [Осовская 1971: 60]. Как можно понять

---

² Ср. также разработку образований типа *полвека*, *полгода* как сочетаний слов в словаре Н. А. Еськовой [Еськова 1994].

из этой формулировки, исследователь предлагает считать образования с *пол* все-таки «словами», но при этом «относиться» к ним как к сочетаниям. Вывод логически противоречив.

Сильной стороной описанного подхода первой группы исследователей является учет семантических особенностей сочетаний с *пол*: при наблюдающемся «противоречии между формой и содержанием» [Качевская 1969: 328] предпочтение отдается содержанию. Возможно, существование семантических дублетов типа *полбутылка* и *полбутылки* оправдывает такой подход, однако нужно помнить, что выражение одинаковой семантики лексикализированным и нелексикализированным способом не является чем-то необычным. Кроме того, исследователи отмечают отсутствие семантического тождества в примерах *за последнее полстолетие* и *за последние полстолетия* [Граудина и др. 1976: 261], т. е. семантический критерий применяется к разнородным языковым соответствиям, что в результате приводит к противоречивым формулировкам и выводам.

Невозможность использовать наработки первой группы исследований на практике проявляется в сфере лексикографии современного языка. В БАС *пол* определяется как «первая часть сложных слов» [БАС: 429], но при этом разбивка цитатного материала на словарные статьи показывает затруднение составителей при отнесении конкретных словоформ к той или иной лексеме. Например, словоформа с *полувзгляда* (в составе одной и той же цитаты из Вс. Рождественского) отнесена и к слову *полвзгляда* [Там же: 435], и к слову *полувзгляд* [Там же: 534]; формы косвенных падежей с элементом *пол* в некоторых случаях соотносятся с начальной формой случайным образом: ср. с *откупоренною полбутылкой шампанского* (статья *полбутылка*), но: в *полверсте ясно различался красный огонь* (статья *полверсты*, а не *полверста*). В словаре под ред. Д. Н. Ушакова *пол* также считается «первой частью составных слов» [СЛУ: 509], но для словника выбраны только «наиболее употребительные из таких слов», так как слова с *пол* в языке «очень легко образуются и вполне понятны» [СЛУ: 510]³. Большинству сочетаний *пол* с формами РП отказано в лексикографическом представлении. Формулировка «очень легко образуются» выглядит нечетко, однако выделяет образования с *пол* из круга остальных сложных слов. Такую метафору можно расценить как косвенное указание на менее тесную связь компонентов в случаях «*пол* + РП», чем необходимо для законченной лексикализации.

Противоречивая ситуация наблюдается также (видимо, под влиянием традиции лексикографии современного русского языка) в историческом словаре — СЛРЯ XI—XVII. Образования с *пол* рассматриваются как сочетания, «где *пол-* (*поль-*) выступает в функции числительного, а второй частью сочетания является род. пад. ед. ч. существительного» [СЛРЯ XI—

---

³ Ср. также в словаре В. И. Даля: «Полное перечисление таких, по себе понятных слов, было бы излишне» [Даль: 250].

XVII: 189], но при этом подаются в виде словарных статей сочетания слов *полдолони, полдороги, полдюжины* и др.⁴

Более последовательной представляется аргументация второй группы исследователей, отвергающих полную универбацию образований с *пол* в современном языке. Этот подход связан с последовательной ориентацией на формальный критерий и наиболее полно сформулирован в работе И. А. Мельчука [1985]. В ней приведен список особенностей — семантических, морфологических и синтаксических, свойственных числительным [Там же: 267—268], каковых насчитывается 17. По данным Мельчука, в современном русском языке *пол* обладает 12 свойствами из 17 [Там же: 282]. Со строго морфологических позиций И. А. Мельчук предлагает считать слово *пол* числительным, а образования типа *полгода* считать словосочетаниями [Там же: 280]. Свойства их как словосочетаний даже в современном русском языке позволяют подвергнуть сомнению предположения о цельноформленности этих образований уже в древнейший период (ср. [Качевская 1969: 325; Жолобов 2006: 313]). Но с другой стороны, *пол* не обладает полным набором свойств слов, передающих целые числа, поскольку на настоящий момент слово утратило парадигму и в связи с этим ведет себя как числительное только в И—ВП (ср. 8-е свойство числительных, по И. А. Мельчуку). Бывшие формы косвенных падежей слова, когда-то совпавшие в едином *полу*, в системе современного языка в образованиях типа *полувоза* относятся к *пол* (в образованиях типа *полвоза*) «вовсе не так, как одна падежная словоформа некоторой лексемы к другой падежной словоформе той же лексемы» [Мельчук 1985: 285]. Формальное рассмотрение статуса единицы *пол* в современном языке выявляет наличие целого класса дефектных парадигм — лексем с элементом *полу-*, использующихся только в косвенных падежах. Отсутствие начальной формы компенсируется сохранением в языке самостоятельного слова *пол*, управляющего счетной формой соответствующих существительных.

В итоге, сопоставление данных древнейшего и современного периодов русского языка показывает, что бывшая единая парадигма простого половинного квантитатива расщепляется на две языковых сущности. Внимание к грамматической специфике позволяет представить разницу в статусе слова *пол* в древнейшей письменной фиксации и в современном языковом состоянии в следующем виде (Таблица 1).

Такая кардинальная перестройка парадигмы, связанной со словом *пол*, происшедшая за десять веков, должна была проходить через ряд стадий. Слово *пол*, бывшее в изначальном половинном квантитативе вершиной словосочетания, должно было сначала утратить эту функцию. Нынешнее раздробленное состояние этой парадигмы отчасти подсказывает, через какую

---

⁴ Пример со словосочетанием *поль душегоубьства*, который в [СДРЯ: 99] в соответствии с его нецельноформленностью иллюстрирует слово *поль*², в СлРЯ XI—XVII дан в виде отдельной статьи [СлРЯ XI—XVII: 204].

Таблица 1

	XI—XIV вв.	XIX—XXI вв.	
И	поль voза	пол voза	—
Р	полоу voза	—	полуvoза
Д	полоу voза	—	полуvoзу
В	поль voза	пол voза	—
Т	польмь voза	—	полуvoзом
П	полоу voза	—	(в) полуvoзе

стадию проходило развитие. Современные формы (*полуvoза, полуvoзу, полуvoзом*) показывают, что на определенном этапе произошло перемещение вершины на существительное, — оно стало нести информацию о падеже, что сделало формы слова *пол* согласуемыми элементами словосочетаний⁵. Сохранение при этом вершины на *пол* в И—ВП косвенно указывает, что происшедшая перестройка оказалась осуществимой в рамках взаимодействия разных видов квантитатива в древнерусском языке.

Взаимовлияние разных счетных конструкций наблюдается уже в старославянских памятниках [Жолобов 2006: 25—27, 143]. Одной из причин этого является существование смешанных типов квантитатива: при сочетании составных числительных с исчисляемым, в том числе и при половинном счете (типа **polъ pęta desęte vozъ*), образовалась «комбинация малого и большого квантитативов» [Там же: 25]. В отдельных случаях в древнерусском материале наблюдается оформление малого квантитатива по образцу большого, обусловленное, видимо, необходимостью передать специфический оттенок значения [Там же: 107]. Однако основное направление взаимодействия типов квантитатива связано с экспансией малого: «В большом квантитативе уже в древнейших памятниках действует тенденция к обобщению нумеративной модели с соположением в количественных сочетаниях — по образцу малого квантитатива, где исконно выступало не управление, а соотношение членов, которое внешне совпадало с простым равенством падежных форм» [Там же: 27], ср. также [Дровникова 1959: 206; Багрянский 1962: 208]. В таких образованиях «числовые обозначения являются смысловым центром рядом с другим — названиями

⁵ Отметим, что формы половинного счета в РП не претерпели при этом никаких формальных изменений, ср.: *полоу voза* → *полуvoза*. В системе произошла реинтерпретация формы. Это значимый факт, поскольку в связи с применением в конструкциях с отрицанием (и с предлогом *без* при счете) РП мог по частотности выделяться на фоне других косвенных падежей слова *поль*, что в определенной степени способствовало произошедшему переосмыслению. Именно формы РП, по данным СДРЯ XI—XIV, давали в древнерусском языке адвербиализованные употребления (*из полуу, отъ полуу, съ полуу* [СДРЯ: 10]). По словам Л. Н. Дровниковой, для периода XIV—XVII вв. «однообразный материал деловых документов представляет эти [дробные. — Г. М.] числительные в форме родительного падежа» [Дровникова 1959: 212].

субстанций» [Жолобов 2006: 27]. Современные формы типа *полувоза*, *полувозом* являются отражением прошедшего влияния «нумеративной модели с соположением» на половинный квантитатив. Именно через стадию соположения с бицентричной организацией счетных образований должно было пройти самостоятельное и главное в словосочетании в любом падеже слово *поль* перед тем, как полностью утратить самостоятельность в составе косвенных падежей бывшего счетного сочетания.

Модель с равноправными нумеративным и субстантивным элементами широко применяется уже в период XIV—XVII вв. Косвенные падежи сочтаний типа *поль воза* в это время «являют собою изменение обеих составных частей сложного целого: *поль* представлено в форме *полу-*, а существительное — в форме соответствующего падежа» [Дровникова 1959: 211]. В этот же период наблюдается и дальнейшее развитие форм косвенных падежей. Следующая стадия утраты словом *поль* самостоятельности проявляется, начиная с XV в., в утрате показателя косвенных падежей (флексии *-y*) и применения в виде *пол* в любом падеже [Багрянский 1957: 60; Дровникова 1959: 213]. Поскольку речь идет о развитии слова *поль* под непосредственным влиянием категории числительных, то даже в примерах типа *без полчетверты* вряд ли для этого периода можно уверенно говорить о переходе *пол* в категорию морфем в составе сложных слов. Утрату склонения в подобных контекстах следует рассматривать в рамках общей для всех числительных тенденции к подобной утрате (не осуществленной полностью до настоящего времени). В примере *на триста возехъ* (1580 г., [Дровникова 1985: 100]) форма *триста* также выступает как неизменяемый компонент, однако не становится единой лексемой с последующим *возехъ*.

В случае с половинными числительными утрата склонения не приводит к утрате самостоятельности в силу морфосинтаксических особенностей этих образований. Тенденция к универбации в них сдерживалась рядом факторов: «Половинные числительные не употреблялись самостоятельно, а в сочетаниях с существительными, формы РП ед. числа которых диктовались словом *поль* и с которыми согласовывались именные формы порядковых числительных. (...) Слово *поль* 'половина' употреблялось и самостоятельно, что также препятствовало универбации половинных числительных» [Жолобов 2005: 206]. Исходя из наблюдений О. Ф. Жолобова, можно предположить, что универбация в современном языке осуществлялась в формах косвенных падежей в связи с устранением названных сдерживающих факторов: русский литературный язык XIX—XX вв. не использует половинный счет и не знает несвязанного употребления слова *пол*. Это приводит к тому, что элемент *полу-* в формах типа *полувоза*, *полувозу* «не является отдельной словоформой современного русского языка: это словообразовательный формант (...) по смыслу очень близкий к числительному *пол* или даже тождественный ему» [Мельчук 1985: 283]. В языке этот статус элемента *полу-* подтверждается тем фактом, что, в отличие от *пол* в И—ВП, «не может отделяться ничем (в частности, прилагательным)

от обозначения “исчисляемого”» [Там же: 284]. Подчеркнем непосредственную связь половинного счета и критерия отделимости: во многом именно постановкой дополнительного элемента (порядкового числительного в краткой форме) между словом *пол* и исчисляемым и обусловлена несовместимость конструкции половинного квантитатива с лексикализованными формами, использующими слово *пол*.

Стадия перехода парадигмы с участием слова *пол* в значении числительного в новое качество — расщепление на две дефектные парадигмы — не отмечается в упомянутых исследованиях, посвященных периоду XI—XVII вв. Важный для этого перехода фактор — использование половинного счета — остается, по словам Л. Н. Дровниковой, актуальным вплоть до XVII в. [Дровникова 1959: 207]. При его отсутствии в современном русском языке остается предполагать, что время его выхода из языка приходится на XVIII — начало XIX в. Особенности языка, сдерживающие переосмысление слова *пол* в языковой системе, по всей видимости, не прошли отбор, который производился в процессе формирования нового типа литературного языка в XVIII в. Но, как указывалось выше, именно материал XVIII в. оказался наименее задействованным до сих пор в вопросе об истории категории числительных в русском языке в целом, и поэтому не выявлена степень маргинальности различных свойств лексемы *пол* в ее формальном аспекте на последнем этапе существования ее в рамках самостоятельной парадигмы. Переходный момент в истории слова *пол* достаточно ясно реконструируется теоретически, но все же остается обобщенной реконструкцией без разбора конкретного языкового материала, который представлен более чем достаточным корпусом текстов.

Не до конца исследованным остается также семантический аспект в эволюции слова *пол*. В существующем исследовании этой проблемы [Востокова 1984] на материале XI—XVII вв. принимается разграничение смыслов, которые способно передавать слово *поль* в свободном и связанном виде. В свободном употреблении *поль* передает «числительные» значения — «ровно половина», «середина» и «одна из двух сторон»; общей особенностью употребления *поль* в связанном виде (как части сложных слов) признается способность его именно в таком виде развивать целый спектр значений, содержащих «качественную характеристику объекта номинации», т. е. указание «на подобие, сходство предмета, названного сложением, с предметом, обозначенным второй частью» [Там же: 90]. Между тем, приводимые исследователем примеры «качественного» употребления связанного *поль* грамматически разнородны: наряду с несомненными лексемами *полукафтань*, *полукрючье*, *полузолотной* в этот ряд включено и сочетание *полкубка*. Вполне в русле вышеописанной традиции описания основы *пол* с опорой исключительно на семантику, к связанным употреблением *поль* относятся примеры *польсуха створи*, *полкартоуна*⁶ [Там же: 92, 94];

⁶ Ср. *картаун*: «Большая осадная пушка с коротким стволом» [СлXVIII IX: 263].

из примера *полтики* выводится форма *полтика* [Там же: 94]. Группировка по значению, несомненно, продуктивна, однако, пренебрегая грамматическими особенностями *поль*, исследователь впадает в противоречие: утверждается, что область «качественных» значений *поль* свойственна его грамматически особой (связанной) разновидности, но самими примерами это как раз опровергается (как говорилось выше, случаи типа *полкартоуна* и для современного языка считаются словосочетаниями, тем более осторожным нужно быть с примером 1695 года). «Качественные» значения передаются грамматически разнородными средствами (словосочетанием и универбом). Такая непоследовательность лишает возможности проследить действительные стадии утраты самостоятельности элементом *поль* в разных его значениях.

3. Материал XVIII в.

Рассмотрение материала XVIII в. показывает, что окончательная перегруппировка составных частей парадигмы, унаследованной от количественных конструкций с *поль*, в XVIII в. еще не произошла. Современная норма употребления *поль* и производного от него аффиксоида *полу* отличается от картины, наблюдаемой по материалам КСХVIII. Эти отличия касаются как морфосинтаксических характеристик рассматриваемого элемента, так и их соотношения со смысловой структурой, передаваемой словом *поль*. Для более наглядного их рассмотрения материал, показывающий специфику примеров XVIII в., разбит на два раздела, посвященных соответственно формальному и смысловому аспектам проблемы. Использование слова *поль* в функции числительного рассматривается в контексте примыкающих к нему «числительных» значений 'середина', 'сторона', что позволяет показать ряд особенностей языка данного периода.

3.1. Грамматические особенности слова *поль*

Основными факторами, позволяющими слову *поль* сохранять лексическую самостоятельность, являются его функционирование в изолированном виде и в дистантной позиции, а также использование в языке конструкции половинного количественного (см. п. 2). Материал КСХVIII показывает, что для языка XVIII в. оба фактора остаются актуальными, однако их статус в языке, частотность применения, стилистические характеристики, по всей видимости, претерпевают на протяжении века значимые изменения. Рассмотрим их последовательно.

а) Изолированная и дистантная позиция

Слово *поль* в **изолированном виде** в XVIII в. встречается редко. Наиболее достоверные примеры относятся к рубежу XVII—XVIII столетий. Однако стоит отметить, что в таком виде слово отмечается в разных значе-

ниях. Оно может иметь значение ‘половина’ и ‘середина’: *Град Адринополь стоит в степи, пол его на горь, а пол на ровном мѣстѣ*. Пут. Лукьян. 224⁷ [1701—03]; *Потом выше на полу той же горы сдѣлана каплица*. Пут. Тлст. I 323 [1697—99]; ср. также в переводе цитаты из Ветхого Завета: *Се нѣсть ни полъ того, еже ми повѣдаша* (3 Царств, гл. 10). Телемак 1724 10⁸. Сочетание *на полу той же горы* во втором примере особенно значимо, поскольку в нем слово *поль* представлено в МП (а не в РП, дающем омографию форм квантитатива с управлением и согласованием). В этом контексте фиксируется управление род. падежом формы косвенного падежа слова *поль* — особенность, свойственная исконной парадигме малого половинного квантитатива; ее сохранение явно препятствует потере самостоятельности слова *поль* в косвенных падежах.

Отметим, что в первой трети XVIII в. такое управление отмечено и в контактной позиции: *Къ откупу прикладывать откупныхъ пошлинь по полуосмыа деньги съ рубля на годъ*. ПСЗ IV 255 [1704]; *Мы же платимъ въ казну великого государя ... по 20 алтынъ по полупяты денѣ съ двора*. ПСИ 316 [1708]⁹; *О полудни по полусемы версты уходили въ часъ*. ЖКФ 1715 1; *Сто шесть ящичковъ в нихъ по полудюжины ножей и вилокъ столовых черенье деревянное*. ТК Арх. 1720 2. Возможно, *поль* управляет РП (во всех отмеченных далее примерах слово *поль* само стоит в РП) также в однотипных контекстах с обозначением середины месяца из «Географии генеральной» (в аналогичной ситуации в современном языке может быть использовано только существительное): *Цвѣтеть ... несносной знои от полу мая до полу июня*. Геогр. ген. 439; *Отъ полусентября стужа сѣльная до генваря продолжается*. Геогр. ген. 451 [1718]¹⁰. Словосочетание со словом *поль* ‘середина’ (а не универб) вероятнее всего предполагать и в следующем случае: *У рекрутъ какъ новыхъ такъ и старыхъ лбы и даже*

⁷ Ср. пример из СДРЯ XI—XIV, относящийся к XII в.: *събъравъшесѧ стоять коупно съ нимъ... полъ нхъ о дѣсноую, а полъ о лѣвоую*. Уст к. XII, 212 [СДРЯ: 99].

Сокращения источников КСХVIII и СлХVIII см.: Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников. Л., 1984; «Дополнения к указателю источников» в нечетных выпусках СлХVIII. Полный список сокращений доступен также в электронном виде на сайте ИЛИ РАН: <http://iling.spb.ru/vocabula/xviii/sources.html>. Новые шифры СлХVIII, не вошедшие в опубликованные дополнения, раскрываются в постраничных сносках.

⁸ Фенелон Ф. Похождение Телемака: Русский рукописный перевод 1724 г. / Лингвистическое издание, словоуказатель, комментарии подг. В. М. Круглов: в 2-х т. Т. I. СПб., 2011.

⁹ Конструкцию *по полупяты денѣ*, видимо, следует рассматривать как гибридную — объединяющую две возможности построения словосочетания с *пол* (*по полу пяты денги* и *по полу пять денѣ*).

¹⁰ Ср. возможность в том же источнике выразить этот смысл и с помощью существительного: *От половины ноября лѣто начинается до половины февраля, от котораго осень ведется до половины мая*. Геогр. ген. 452 [1718].

до *полуголовы* волосы были выбриты. Пам. Забайк. 18 [1738]. Аналогичные конструкции еще встречаются в сочинении С. П. Крашенинникова: [Рыба] *заходит по ключамъ такъ далеко, какъ возможно, и стоит тамъ до глубокой осени, и даже до полу зимы*. Краш. ОЗК I 319 [1755].

Другой пример — конца XVIII в. — показывает, что управление в косвенных падежах в дальнейшем сохраняется в языке уже с постепенной утратой самостоятельности компонента *полъ* в значениях 'половина', 'середина'. В формально идентичном цитировавшемся сочетании — *полъ горы* («середина высоты горы») наблюдается модификация значения: *Сей городок построен в полу горы высокого холма*. Рдщв ПСС III 298. При сравнении цитат начала и конца века — из Толстого и Радищева — заметна разная степень слитности значения одинаковой формы. Если в контексте *на полу той же горы* словом *полъ* отдельно передан смысл 'середина высоты' (речь идет о горе), то в контексте *в полу горы высокого холма*, по-видимому, уже все выражение *полъ горы* имеет значение 'середина высоты' (речь идет о холме); слово *гора* здесь явно десемантизируется. Сравнение с более поздним примером подчеркивает аутентичный характер употребления начала XVIII в. Некишшированный смысл это же сочетание имеет в контексте, относящемся к первой трети века: *Сквозь городъ протекает ключевая вода, и вышла изъ полу горы, при низу которой стоит городъ*. Сойм. КМ I 426 [1730-е гг.]. Пример показателен еще и тем, что подтверждает раздельно-оформленность образования *полу горы* даже при контактной позиции: определительное придаточное предложение по смыслу соотносится только со вторым компонентом — *город стоит при низу горы*, а не **полугоры*¹¹.

Прямая параллель подобной эволюции наблюдается также при рассмотрении употребления *полъ* и в другом «числительном» значении — 'сторона'. В этом значении употребление лексемы в XVIII в. явно ограничено рамками устойчивого выражения *на онъ полъ* (*полъ* в значении 'сторона' явно менее тесно связан с нумеративной основой, чем в значении 'середина'). Однако наблюдается знаковая разница в функционировании этого выражения в начале века и в более поздний период. В первом случае выражение применяется в прямом смысле: *Едва съ великою нуждою преидохомъ на онъ полъ рѣки къ братии нашей*. Пут. Лукьян. 28 [1701—03]. В дальнейшем употреблении степень спаянности компонентов данного выражения вырастает за счет применения в метафорическом контексте: *Смѣло протекайте Сей краткой жизни путь. На онъ полъ поспешайте, Тамъ лучшая страна*. Рдщв СС I 177 [1806—11].

¹¹ Описанный процесс происходит на фоне использования уже с начала века универба в косвенных падежах: *Въ той въ полугорѣ монастырь Илии пророка*. Пут. Лукьян. 237 [1701-03]. *Дуга Ирисина... опирается на сей освященной полугорѣ и простирается до косогора на противъ лежащаго*. Гесн. Идил. 33 [1787]. *Въ той въ полугорѣ и въ нѣкоторомъ отдалении, увидѣлъ онъ нашу прекрасную ротунду*. Зап. Блтв IV 39 [1785-95]. *Осталась позади одна Царица мать, Не могли далье полугоры шагать*. Богд. 36 [1799].

Рассмотренная модификация значения выражений *поль горы*, на *онь поль* в пределах XVIII в. дополняется другими примерами бытования слова *поль* в изолированном виде только в составе адвербиализованных выражений во второй половине XVIII в. В примере петровской эпохи: *по прежнему уставу за доимку двор и пожитки оберут, да оценив **впол** или в треть или и в десятую долю, да и продадут*. Псш. КСБ 159 [1724] — адвербиализация не завершена (ср. однородность *пол* в данном контексте с существительными *треть*, *доля*). В более поздних примерах наблюдаются только адвербиализованные употребления: *Съ ристания, отъ конскихъ ногъ Скоциль, на **пблы** расъкаясь... Копыта оный твердый рогъ*. Трд. СП II 147 [1752]; *⟨Гион⟩ видитъ нѣчто, въ **поль** закрытое листьями, подобное дынямъ*. Оберон 159; *Непривыкшей рукъ все кажется тяжко, и не сбѣаетъ ни въ **полы** противъ работника*. Оберон 189 [1787]; *Симъ составомъ намажь слегка, чтобъ онѣ [кружева] въ **поль** смочены были*. Сл. комм. I 194-195 [1787—92].

Еще в одном примере первой трети XVIII в. отдельное употребление *поль* не связано с адвербиальностью: *Обыкновенно в девять и **пол** идут к столу ужинать*. АК II 202 [1710]. Однако этот пример, в отличие от прочих, появился под иноязычным влиянием: он передает смысл, для которого существует оригинальный славянский способ передачи — конструкция половинного счета. Такое употребление, тем не менее, традиционно, поскольку применялось в случаях калькирования и в предыдущий период: «В переводных памятниках используется также иной образец половинного счета — с прибавлением *поль* ‘½’ к числу, обозначенному количественным числительным» [Жолобов 2005: 205] (с примерами XI в.). Таким образом, этот пример тоже можно считать показательным для истории слова *поль*: такая передача иноязычной счетной конструкции, существовавшая уже в XI в., остается актуальной в первой трети XVIII в. Влияние иноязычных образцов особенно актуально для языка XVIII в. и в дальнейшем при разборе примеров аутентичность той или иной особенности, связанной с функционированием *поль* и его производных, может быть установлена только при наличии непереводных примеров¹².

Приведенный пример из Путешествия Толстого демонстрирует еще одну важную особенность — **дистантное** по отношению к существительному *гора* **расположение** слова *поль*. Современный язык сохранил эту способность только для *пол* в позиции И—ВП. В XVIII в. приведенный пример в косвенном падеже не единственный, ср.: *На семена надобно 234 четьи безъ четверика и полполчетверика и **полполмалого четверика** ржи*.

¹² Вероятно, под влиянием немецкого языка возникает устойчивое сочетание *поль человека* в значении ‘центр, середина человеческого тела’. В переведенных с немецкого воинских уставах встречаются такие контексты: *Когда все шеренги стреляют, то нельзя хорошо целить в **полчеловека***. СУ I 137; *Пикинер нападает на неприятеля, держа копье в **полчеловека***. СУ I 137 [1737-39]. В конце века соответствующее сочетание фиксируется в словаре: *Auf den halben Mann anschlagen, ружьемъ, въ **пол-человѣка** стрѣлять, цѣлить въ средину кого-либо*. Ад. I 745 [1798].

ПСИ 33 [1700]; *Прибы(л)ны(х) пя(т)на(т)цать рублейъ три(т)цать копеекъ с пол(у) и с по(л)по(л)денгои*. ТК Слвчг 1722 306об.; *Платков шелковых ... не надлежит же покупать нам, потому что и в них токмо одна денежная истрата, а самые потребности ни полу нужные нет*. Пеш. КСБ [1724]; *Ex incepto verbo quid velim percipit. Онъ и по полу, и по половинѣ слова знаетъ, догадывается, что я сказать намѣренъ* ЛВ¹ II 439 [1764]; *На каждую малую кожу требуется по полу, а на большую по фунту сандалу*. Пут. Леп. I 42 [1771]; *...нить каждое утро по полу или четверти бутылки*. Паллас ОР 22 [1786]. В двух приведенных примерах форма *полу* не обозначает точной половины (1724 и 1764 гг.), причем в последнем случае она переводит иноязычное выражение. Важно отметить, что при этом латинский оригинал не содержит элемента, имеющего значение «половина» в том или ином смысле. Слова *по полу...* слова передают латинское *ex incepto verbo*, т. е. буквально «из (едва) начатого слова». По всей видимости, С. Волчков переводит латинское выражение, не прибегая к калькам и используя семантические возможности русского слова *поль*, способного передавать в XVIII в., как будет показано ниже (см. п. 3.2.), ряд качественных значений не только в формате аффиксоида.

В двух примерах приведенного списка (1764 и 1786 гг.) исчисляемое существительное оказывается несогласованным с *поль*, но, как и в приводившихся выше цитатах, стоит в форме РП, однако в данных случаях это обусловлено сочетаемостью не слова *поль*, а синтаксически однородных ему существительных (*четверть, половина*) с количественным значением. Возможность употребления слова *поль* в косвенных падежах в ряду однородных членов с другими существительными (с количественным значением) также является отличием языка XVIII в. от современной нормы.

Из всех отмеченных примеров дистантного расположения слова *поль* по отношению к исчисляемому вставка прилагательного отмечена только в примерах первой четверти века (1700 и 1724 гг.). Это может быть одним из признаков завершающей стадии существования полной парадигмы половинного квантитатива; по-видимому, такое условие раздельнооформленности компонентов половинного счета, как возможность вставки прилагательного, является допустимым только в начале рассматриваемого периода; в дальнейшем наблюдаются только рудименты этого явления. Контекст 1786 г. с употреблением исчисляемого с определением в косвенном падеже в составе квантитативной конструкции показывает, что в таком случае прилагательное тяготеет к постпозиции: *Сюда кликнули меня отъ постели богатаго купца, страждущаго отъ индигестіумы, причиненной ему отъ двухъ сотъ устриць, да получерепахи Американской, которыхъ онъ вчерась за обѣдомъ скушалъ*. Ек. II Обманщик 26 [1786]. В постпозиции находится определение также и в случаях употребления квантитатива в И—ВП: *Съ жару бѣ не сгорѣтъ въ полѣвка моего*. Држ. III 361 [1776]; *Ужъ солнце полпути свершило своего*. Княж. Дид. 10 [1787]; *Отъ города въ полторѣ верстѣ, пол-деревни Билдюхиной, по 4 ревизіи мужеска пола 42 души*. МВ 1795 54.

Рассмотренный материал показывает, что изолированная позиция слова *поль* в косвенных падежах постепенно исчезает из употребления именно на протяжении XVIII в. В текстах первой трети столетия в разных жанрах (путешествие, деловые тексты) встречаются контексты, подтверждающие возможность несвязанного употребления словоформы *полу*, ее способность управлять формой РП. В последующий период подобные явления становятся возможными только в составе устойчивых выражений.

б) Конструкции половинного квантитатива

Рассмотрим особенности слова *поль* в функции числительного. В текстах XVIII в. достаточно широко представлен тип конструкций, в котором *поль* по необходимости расположено дистантно по отношению к исчисляемому, — сложный половинный квантитатив. В предшествующий период эта конструкция могла образовываться от единиц разного порядка — передавать дробные числительные первых двух десятков либо при сочетании с числительными следующих разрядов выражать значение ‘половина десятка’, ‘половина сотни’ и т. д. [Шахматов 1957: 149—150; Багрянский 1957: 45; Дровникова 1959: 209—211]. В активном употреблении в XVIII в. сохраняются подобные образования от единиц первого десятка. При этом образцы половинного квантитатива сохраняют способность к формоизменению: в И—ВП используется элемент *поль/пол*, а в косвенных падежах — форма *полу* (хотя утрата склонения проявляется у числительных уже по крайней мере с XV в., см. п. 2; ср. примеры XVIII в. у И. Н. Дьячковой — [2009: 189—190]).

По данным КСХVIII, дробные обозначения первого десятка представлены следующими примерами: *И такъ сей приступъ продолжень былъ въ непрестанномъ огнь 13 часовъ, а именно: отъ **полчетверта** часа съ утра, до **полунята** часа послъ полудня*. Кн. М. [1713]; *Жили на пристани **польсеми** недѣли*. Пут. Лукьян. III 255 [1710-е гг.]; *По понедѣлникамъ по **полчетверта** фунта говядины*. УВМ 231 [1715]; *Въ остаткѣ ... 9 алт(ын) **пол-пяты** деньги*. ДПС VI 1716 40; *Полярная свѣзда ... въ нынѣшнее время въ такомъ маломъ кругу точію **поль** 3 градуса отъ Полюса отстоить*. Кн. мир. 22 [1717]; *Обратить глобусъ къ востоку, то укажетъ указатель на **польосма** часа*. Георг. 1719 417; *Сѣдязему челоѡкку ... до поясницы отъ плеча **польосмы** мѣры*. Псш. Завещ. [1720]; *Воинамъ подобает ... иметь ... ратовище аршина в три или в **полчетверта***. Псш. КСБ [1724]; *Курахшара (от русских Голков острожек называемой), на правом берегу Крушчъ речки, от того места, где мы к ней приехали, в **полупретье** версте*. Краш. ОЗК¹ 659 [1739]; *Бежали на час по два и по **полпретья** узла, а от б часов по п[олудни] по три, по четыре и по **полпята** узла*. Краш. ОЗК¹ 637 [1741]; *Величиною (рыба) бываетъ аршина по полтара, а въсомъ до **полупретья** пуда*. Краш. ОЗК I 314 [1755]; *Я въ **полчетверта** часа буду, приду*. ЛВ¹ I 683 [1755]; *(Студент) приводит в порядок по моим указаниямъ центрические обсервации, чиненные чрез **полпята** года*. Лом. СС IX 301

[1759]; *Въ полдевята часа въ другой разъ благовъстить начали*. Спб. в. 1760 № 92; *Въ полдевята часа съли мы ужинать*. Зап. Пор. 132 [1766]; *Въ Кананое... поѣхали въ полсема къ Выборгу*. Пут. Биб. 72 [1769]; *На корабль ... я былъ полчетверта года, подъ повелѣниемъ капитана Авраама Панелла*. Гулливер 3 [1772]; *Сдѣлай ящичекъ 18 ступеней длиною, 8 шириною, полтретьи глубиною изъ дубовыхъ досокъ*. Егер 388 [1779]. *Въ полчетверта кушанье давать*. Дв. купец 143 [1780]; *За полтретьи версты была деревишка Вязки*. Пут. Зуева 18 [1782]; *Полдевятá, achtehalb, huit et demi*. Нрд. II 590 [1782]; [Граф:] *Сколько у полусемы сабаки безъ ноги ногъ?* Фомушка 200 [1785]; *Achthalb Ychäffel, польосма четверика*. Ад. I 45 [1798]. Об активности данных конструкций свидетельствует возможность образования прилагательных с их участием: *Жерело ихъ (снарядов) токмо толь веліко дѣлается, чтобъ толко въ нихъ двухъ, ілі полутретья лотовый пулкѣ саряжать возможно было*. Арт. Брауна 153 [1709]; *Должно ему (повествованию) имѣть обиліе не обременяющееся чрезмѣрностію, ни непрерывнымъ нанизываніемъ Сложныхъ и Пресложныхъ, какъ полтара и полтретья аршинныхъ, Существительныхъ Именъ и Прилагательныхъ*. Трд. Тилем. I XXXVI [1766]. Также наблюдаются примеры для единиц второго десятка (в том числе при счете тысячами): *Велено ему отпустить в Посолской приказ червонных золотых полодинадцати тысячь*. ПБП VIII 993 [1708]; *Въ 8-й день подняли корабль отъ полу 12 футъ до 8 ¹/₄, и прошли чрезъ банкъ*. Ж. Син. 356 [1705—12]. *Полдвенáтцата*. Грам. Брsv 508 [1788]; *Eilfthalt... Польодинадцата, десять съ половиною*. Ад. I 420 [1798]. В КСХVIII отмечены только примеры для чисел 11 и 12. В работе И. Н. Дьячковой приводится также пример 1709 г. для 13: *угломъ въ полдвенатцата до полтринатцата [градуса]; сверхъ сухаго два полтьретьянадесять фута* [Дьячкова 2009: 185]. В примере 1708 г. использовано количественное числительное вместо порядкового (ожидалось бы *пол одиннадцаты тысячи*). В том же документе встречается и морфологически иное оформление этого образования, с неизменяемой второй частью: *(Дьяк Иванов) отпустил в Посолской приказ денег за полодинадцать тысячь червонных золотых*. ПБП VIII 993. Это можно рассматривать как свидетельство утраты самостоятельности элементом *поль* при счете единицами второго десятка.

Для рассмотренных примеров можно говорить об определенном снижении активности употребления половинного квантитатива во второй половине XVIII в. Половинные числительные второго десятка в этот период отмечаются только в метаязыковых контекстах — в составе грамматики и словаря¹³. И. Н. Дьячкова говорит о сохранении в узусе к концу века, по-

¹³ Возможно, показательна ошибка, сделанная И. Нордстетом в процитированной словарной статье: *полдевята* он переводит немецким *achtehalb* ‘семь с половиной’ и французским *huit et demi* ‘восемь с половиной’. В словаре Х. Аделунга дано правильное соответствие: *полосма* — *achthalb*.

мимо числительного *полтора*, только формы *полтретья* [Дьячкова 2009: 187]. Во второй половине XVIII в. в имеющихся материалах КСХVIII заметно вырастает доля употребления половинного счета для обозначения часа времени (подобных приведенным контекстам 1760, 1766, 1769, 1780 гг.). Именно в этом узком значении (хотя не с краткими, а с полными порядковыми числительными) половинный счет сохранился в современном языке (для XVIII в. см. подобные примеры ниже, в сноске 16). Язык второй половины XVIII в. оказывается непосредственным переходом к современному идиоматизированному употреблению.

Активность половинного квантитатива в первой трети XVIII в. проявляется в употреблении целого ряда специфических форм половинного счета. Во-первых, наблюдаются его формы с количественными числительными вместо порядковых в своем составе. В таких образованиях используются числительные *один* и *два*: *Въ томъ городѣ Филехѣ прежде моего прѣзду за семь лѣтъ было трясеніе земли полдва часа*. Пут. Тлст. I 336 [1697—99]; *В 5-й день Его Царское Величество изъ Фридрихштата изволил шттить въ Гузенъ, разстояніемъ пол-2 мили*. Походн. журн. П. 9 [1713]; *Адмиралтейскаго приказа корабельныхъ 173 руб. 2 алт. поль-двѣ деньги и пол-пол-одной деньги*. ДПС V 996 [1715] (см. также приведенные выше примеры счета десятками)¹⁴.

Последний пример показывает вторую особенность, наблюдаемую только в первой трети XVIII в. в памятниках делового жанра, — повтор элемента *пол* для обозначения более мелких дробей. Это явление наблюдается в деловой письменности XVI—XVII вв. [Багрянский 1957: 45]. В КСХVIII представлены примеры: *467 четви съ осминою безъ четверика и полполполчетверикъ и полполполполполполполчетверика овса*. ПСИ 33 [1700]; *Перекупных полняты денги и полполденги*. ТК Верховаж. 1710 8¹⁵; *3 алтына 3 денги съ пол-полуденьгою*. ДПС VI 165 [1716]; *Крупъ 716 четви безъ пол-пол-четверика*. ДПС VI 232 [1716]; *Пять алтынъ полтары денги с полполуденьгою взято*. ТК Болхов 1725 27 и др.

В-третьих, в первой трети XVIII в. наблюдается более активное, чем в последующий период, образование половинного квантитатива при счете единицами других порядков¹⁶ — десятками: *Жиль унихъ Чюкочь въ полону*

¹⁴ И. Н. Дьячкова на с. 190 приводит также пример из «Географии генеральной» 1718 г., в котором в качестве второй части числительного используется существительное, обозначающее дробь: *Продолжилсѣ же тои шумъ чрезъ полчетверть часа доколь до глубочайшихъ ямъ прошелъ*. Геогр. ген. 324.

¹⁵ Из материалов И. А. Малышевой.

¹⁶ Интересную форму — сочетание *поль* с полной формой числительного в косвенном падеже — содержит переведенная с латыни Ф. П. Поликарповым «География генеральная» Б. Варения: *Способы [определения долготы] таковы быти должны, дабы во изслѣдовании еще полутридесѣтья части часа погрѣшность предъохранятися можетъ*. Геогр. ген. 526 [1718]. Здесь числительное *полутридесѣтья* передает латинское *semitriciesimus* '1/15'. Вероятно, не имея латинского оригинала,

⟨Иван⟩ *лѣтъ съ полтретьядцать*. ПСИ II 530 [1710]; сотнями: *Наряжено полтретьяста человекъ, и хотятъ де идти на три дороги войною подъ Томской*. ПСИ 18 [1700]; *Подбѣжали ... Башкирцы подъ Песчанскую слободу человекъ ста съ полтретья*. ПСИ 329 [1709]; и тысячами: *Сократу витіе дали поль 3000 червонныхъ золотыхъ*. Апофегм. 155 [нач. XVIII в.]; *Баварскаго войска не болии полудевяты тысячи человекъ*. Вед. 53 [1703]; *Взяв те денги, заплати из них Саве Рагузинскому за полшесты тысячи червонныхъ .. Отдай Саве Рагузинскому за ево данные вексели, буде денгами не примет, полшесты тысяче*. ПБП VIII 993 [1708]; *Нынѣ ⟨Иван Парфентьев⟩ извести привезъ на 9 судахъ .. тысячи съ пол-третьи*. ДПС VI 579 [1716]; *Долговъ на мнѣ осталось послѣ бумагъ больше 3000 рублей; но женитьбою моею оплатилъ съ полтрети тысячи рублей*. АК II 429 [1723]. Более поздние примеры: *Отсюду до самой Ини рѣки верстъ на полчетверта ста нѣтъ никакихъ примѣчания достойныхъ рѣчекъ*. Краш. ОЗК I 89 [1755]; *От Якуцка до Анадырскаго острогу разстояние будетъ съ полтретьи тысячи верст*. Док. тих. эксп. 260 [1750]; счет миллионами: *Маршалъ де Белиль уступилъ свое герцогство Гизорское за полтретья милиона Его Христианнѣйшему Величеству*. Спб. в. 1760 24.

И четвертая группа форм, специфических для начала века, — наречия на базе половинных числительных. В исследовании И. Н. Дьячковой приведен пример *полдевятаяжды* из «Арифметики» Л. Магницкого 1703 г. [Дьячкова 2009: 185]. В этом сочинении употребляются и другие однотипные образования: *Купилъ полторажды, полтора аршина, далъ полтретьяжды полтрети гривны: колико дати за полдевятаяжды полдевята аршина*. Арифм. Магн. 112 [1703].

Возможно, завершающая стадия бытования конструкций половинного счета в рамках литературного языка относится к рубежу XVIII—XIX вв. Косвенно об этом свидетельствует разница в способе представления этих элементов в словарях САР¹ и САР². В САР¹ даются отдельными статьями половинные числительные первого десятка, ср.: *Полседма* и *Полсема*. *Шесть съ половиною*. *Полсема фунта*. САР¹ V 405; *Полдевята*. *Число, означающее восемь съ половиною*. *Полдевята аршина, четверика*. САР¹ II 574;

читатель петровской эпохи мог интерпретировать эту форму и как ‘1/25’. И. Н. Дьячкова приводит еще один пример использования половинной формы с полным числительным в этом же переводе: *Усмотрена была высота воды превысокая въ полторомъ надесять часъ, сирѣчь близъ полудня*. Геогр. ген. 167. Исследователь объясняет появление этой формы «влиянием адъективного склонения» [Дьячкова 2009: 189]. Однако и в этом примере, по всей видимости, Ф. Поликарпов ориентируется на латинский оригинал, переводя таким способом слово *sesquidecimus* (‘одиннадцатый с половиной’). В данном контексте переводчик во избежание двусмысленности не копирует оригинал дословно. В КСХVIII есть еще один пример употребления половинного порядкового числительного в первой трети века в деловом памятнике: *Сто бревень сосновыхъ длиною по(л)че(т)верты(х) сажень в отрубѣ в шесть и в семь верико(в)*. ТК Арх. 1725 56.

Полдесята́, числ. Девять съ половиною. *Полдесята аршина сукна*. САР¹ П 661 и др. (ср. также представленность этих образований в словарях последней трети XVIII в. Нрд. и Ад.). В САР² эти образования получают помету «в простор.»: фиксируется их постепенный уход на периферию литературного языка. Однако до середины XIX в. еще возможны упоминания половинного счета как свойственного русскому языку [Дровникова 1959: 214].

в) Участие слова *пол* в составных числительных

Слово *поль* в XVIII в. проявляет свойство числительных из списка, приводимого И. А. Мельчуком, нехарактерное для современного русского языка. Оно формулируется следующим образом: «Соединяться с другими Num [т. е. числительными — Г. М.], образуя “составные Num”», причем в современном русском языке этим свойством обладают «все Num, кроме ПОЛ¹, ПОЛТОРА, ОБА, ПОЛСТА и лично-количественных» [Мельчук 1985: 268]. О возможности участия *пол* в составных числительных в языке XVIII в. свидетельствуют примеры: *Явилось ... за Смоленскими мѣщаны .. новоросчитныя, волочныя и морговья земли 42 съ полуволокою, да 78 морговь (земли) съ полморгомь*. ПСЗ III 447 [1698]; *Сеи кругъ имѣеть разстояние свое отъравнителя дватцать три градуса и тридесать одну и поль минуты*. Геогр. 1719 4; *Град амстердамъ стоитъ на пятьдесятъ второмъ и полу градусѣ*. Геогр. 1719 7. Во всех приведенных примерах *поль* сочетается с заимствованными существительными. Это, а также переводной характер приведенных контекстов 1719 г. позволяет объединить их с ранее приведенным контекстом из архива кн. Ф. А. Куракина (*въ девять и поль*). По всей видимости, существование подобных форм счета в русском языке обусловлено влиянием со стороны иноязычных образцов. Но нельзя не обратить внимание также и на то, что все примеры относятся к первой трети XVIII в. При не меньшей интенсивности переводческой деятельности в последующий период можно предположить, что неупотребительность в дальнейшем слова *поль* в составных числительных связана с изменением грамматического статуса *поль*. Разница в освоении в разные периоды XVIII в. иноязычных слов, связанная с переменами в состоянии лексической системы принимающего языка [Биржакова и др. 1972: 14], по-видимому, должна проявляться и в грамматической адаптации заимствований. Недостаточность цитатного материала требует дальнейших разысканий в поддержку или опровержение приведенного суждения о роли составных нумеративных образований в реконструкции истории слова *поль* в русском языке XVIII в.

г) Итог

Можно подвести итог приведенным выше данным. Слово *поль* в «числительных» значениях («половина», «середина», «сторона») еще обладает лексической самостоятельностью в первой половине XVIII в. и демонстри-

рует признаки ее утраты в дальнейшем. Кроме того, примеры показывают, что числительное *пол* (‘половина’) в XVIII в. (по большинству параметров — в первой трети столетия, с сохранением половинного квантитатива для единиц первого десятка — и в остальной период) проявляло важное свойство числительных, отсутствующее в современном языке. Как и современные числительные, оно могло «соединяться с S [с исчисляемым — Г. М.] специфическим образом, требуя от S родительного падежа, если вся группа ⟨...⟩ стоит в именительном или винительном падеже, и согласуясь с S в падеже во всех прочих случаях: *возьмем два числа vs. с двумя числами*» [Мельчук 1985: 268]. Иными словами, *поль* могло оставаться числительным, т. е. самостоятельным словом, а не элементом сложного слова, независимо от синтаксической позиции. Из приведенных выше цитат на *поль* в значениях ‘половина’, ‘середина’ подбирается полная парадигма слова: *поль* (ИП) — *от полу* (РП) — *по полу* (ДП) — *в поль* (ВП) — *с полу* (ТП) — *на полу* (ПП).

Таблица 2

ИП	надобно ... пол малого четверика ржи
РП	изъ полу горы / у полусемы сабаки
ДП	по полудюжины / по полу , а на большую по фунту сандалу
ВП	в девять и пол идут к столу
ТП	с полу и с полполденгои
ПП	на полу той же горы / на пятьдесятя второмъ и полу градусъ

Парадигма, приведенная в Таблице 2¹⁷, является одним из промежуточных вариантов по отношению к двум крайним (древнейшему и современному), приводившимся в Таблице 1. В РП, ДП и МП в первом примере *поль* управляет существительным (см. выше комментарии к соответствующим примерам), а во втором — согласуется. Закономерно в большей степени вариант с управлением свойствен слову в значении ‘середина’ (*изъ полу горы; на полу той же горы*). Для любого из падежей слова в зна-

¹⁷ Необычная парадигма для форм составного половинного квантитатива приводится М. В. Ломоносовым. Он предлагает склонять эти формы как «прилагательные во множественном числе»: *полтретья* (И—ВП) — *полтретьихъ* (РП) — *полтретьимъ* (ДП) — *полтретьими* (ТП) — *полтретьихъ* (ПП) [Ломоносов 1952: 477]. Подобных форм в материалах КСХVIII не зафиксировано. По множественному числу могли согласовываться лишь формы И—ВП, ср.: *Цѣлые полгода слѣдую я за вами по церквамъ*. Хр. бес I 46 [1763]; *На двѣрцы съ пѣтями желѣза четыре лисфунта, Россійскихъ поллуда, по 6 талеровъ*. Смол. печи 93 [1778]; *Вѣдь полсѣла та наши велики*. Плв. Бобыль 74 [1792] (и соответственно, можно ожидать сочетания типа *цѣлье/цѣлыхъ пол третья года*). Возможно, Ломоносов попытался перенести эту синтаксическую особенность числительных на всю парадигму, не учтя, что в косвенных падежах половинный квантитатив изначально имел формы порядковых числительных в единственном числе.

чении 'половина', в которых представлен вариант *полу*, возможен вариант в виде несклоняемого *пол* (о неспецифичности этой черты для лексемы *поль* в кругу других числительных говорилось выше).

Таким образом, у элемента *полу* в XVIII в. еще не было устойчивого употребления только в виде связанного корня. Это снимало еще одно ограничение, касающееся облика слова *пол* в составе сложных лексем. Исследователи отмечают редкость для современного литературного языка употребления слов с *пол* (а не *полу*) в косвенных падежах сложных слов [Осовская 1971: 58], а также их явную соотнесенность с разговорной речью, т. е. с ослабленным вариантом нормы [Граудина и др. 1976: 260; Мельчук 1985: 132]. В то же время в текстах XVIII в. сложные слова с *поль* в косвенных падежах функционируют хотя и менее активно, чем с *полу*, но, по-видимому, независимо от жанра¹⁸. Они допустимы в высоких жанрах: *Умомъ и красотой — владычица полсвѣта*. Држ. III 301 [1806]; *Еще въ полкругахъ нѣкій громъ Чертитъ сребристыя бразды*. Бобр. Херс. 261; *Екатерина съ пол-богами, ... До черныхъ волнь свой путь свершивъ, Стопой священной ихъ почтила*. Бобр. Херс. 17 [1804]; ср. также в «Лексиконе трехязычном» Ф. Поликарпова: *Полгрекъ, полугрекъ, ἡμίᾱλλον, semigraecus*. ЛП 19 (2 паг.) [1704]. Возможны они и в нейтральных прозаических текстах, не ориентированных на разговорную речь: *Никоторой бы драгун безъ вѣдома своего началника, полполковника, или мазора... никуда въ походѣхъ воинскихъ отъ полку на полверсты... не отлучались*. ПСИ 293 [1706]; *Дану бывшу полдиаметру солнца, земли, ... изслѣдовати часть земли, которую солнце освѣщаетъ*. Геогр. ген. 498 [1718]; *Цилиндры въ полсферѣ написаны въ полсферѣ окончатъ*. Эвклид 279 [1739]; *Долгий слогъ буде изобразится Тактомъ, а краткий Полтактомъ*. Арг. II 605 [1751]; *Съ публичнаго торгу продано быть имѣть оставшееся послѣ ... подпоручика Осипова ... Дайковской волости въ полдеревнѣ Краснаго Люда ... недвижимое имѣние*. Спб. в. 999 [1769]; *Вари каштаны въ полстаканѣ вина бѣлаго*. Сл. пов. 211 [1796]; *Нашел я ... прекрасныя три комнаты за полгинею въ недѣлю*. Крм. ПРП VI 105 [1801]; ср. также в одном и том же источнике: *Пить онаго [вина] должно только по полурюмкѣ нѣсколько дней сряду*. Сл. нат. ист. I 59; но: *Смѣшай по полрюмкѣ¹⁹ орѣховаго масла и*

¹⁸ Ср. также приведенные в грамматике А. А. Барсова параллельные формы с *пол/полу* для отдельных падежей в разделе «О склонении сложных имен» [Барсов 1981: 516].

¹⁹ В примерах типа *по полустакану, по пол(у)рюмкѣ* при сохранении в языке форм половинного квантитатива еще нельзя быть до конца уверенным в том, что перед нами не словосочетания (система предполагает возможность употребления типа *по пол(у) пята рюмкѣ*, критерий делимости для элемента *полу* продолжает действовать, ср. рекомендованность подобных элементов в САР¹). Однако ввиду описанной эволюции парадигмы, связанной со словом *поль* (снижением активности половинного счета), скорее следует предполагать здесь уже совпадающее с современным положение этих примеров в системе языка. При отсутствии форм *полу-*

полыннаго соку. Сл. нат. ист. II 113 [1788]; *На полдороге*. Рдщв ПСС III 283; но: *На полудороге*. Рдщв ПСС III 284 [1797].

Отдельно можно отметить ту же вариативность в частотных словах *полдень* и *полночь*. В языке XVIII в. они функционируют как цельно-оформленные лексемы: в прямых падежах не допускается управление РП, свойственное предшествующему периоду [СДРЯ: 104—105]. Свободнее всего употребление *пол-* в косвенных падежах слова *полдень* допускается в первой половине XVIII в., ср.: *Диоге(н) ... с возженною свѣщено по торгу в Авиныхъ ... посредь самого полдни ... ходяше*. Буж. Пропов. 301 [1715]; *Бывшу же полдню, выѣхаша съ Москвы конныхъ въ строю полка съ два*. Пов. о слоне 170 [20-е гг.]; *Напрасно симъ не надобную нѣжность наблюдающимъ въ Рѣмѣ, тогда искать полдня, когда солнце садится*. Трд. СРС 21 [1735]; *Еще не было полдня*. Кнт. Сат. 130 [1737] (но: *Евгений спитъ до полудня*. Кнт. Сат. 56 [1730]); примеры на *полночь* более поздние: *Госпожа... Подымала прежде полночи Служанокъ, ткать*. Трд. СП I 220 [1752]; *Достигло дневное до полночи свѣтило*. Лом. ПВ 9 [1760]. Во второй половине XVIII в. активность варианта с *пол-* заметно снижается. Он применяется преимущественно в словах *полдень* и *полночь* в значениях сторон света и чаще в поэтических текстах: *Сучья и черенки надлежитъ рѣзать... особливо тѣ, кои стоятъ къ востоку и къ полдню*. Сад. 13 [1779]; *Къ полночи въ тотъ день могъ бы быть редуть или клубъ, ... или бы гдѣ нибудь балъ*. Н. Стрхв Кн. карм. III 5 [1791]; *А съ полднемъ новая картина: Садъ превратился въ храмъ*. Дмитр. II 40 [1794]; *Тщетно духи благотворные, И на полднѣ, и на сѣверѣ Обновляли храмы совѣсти*. Нклв Тв. I 325 [1795]; *Солнце къ полдню обратилось*. Кстрв Соч. 97 [1802]; *Вотъ нѣкоторое изображение Херсониса — ... и туда лучъ разсвѣта полночи недавно проникнулъ*. Бобр. Херс. 5 [1804]²⁰.

Сходным образом *пол-* как аффиксоид представляет некоторую конкуренцию для *полу-* в прилагательных с этим элементом. Материалы КСХVIII показывают, что в XVIII в. в большей степени были употребительны прилагательные типа современного *полночный*. Употребляются

рюмка и *полустакан* в языке с уходом на периферию ранее препятствовавших этому факторов постепенно образуются дефектные парадигмы сложных существительных. Косвенно такой статус рассматриваемых элементов подтверждает, например, их грамматическая квалификация в пособии А. А. Барсова. Он рассматривает как примеры типа *полгода*, так и формы *полугоду*, *полугодам* и т. п. в рамках единой парадигмы в разделе о склонении «сложных имен», причем отмечает, что на фоне других сложных имен эти примеры «склоняются не правильно» [Барсов 1981: 516]. Очевидно, А. А. Барсов испытывает те же сложности, что и кодификаторы XX в., о чем подробно говорилось в п. 2. Разница заключается только в том, что варианты с *пол* в косвенных падежах еще не расцениваются как ненормативные.

²⁰ См. также примеры в словарных статьях *полдень* и *полночь* в [СлXVIII XXI: 160, 179].

лексемь: *полъаршинный, полгласный, полгнилой, полгодичный, полденный, полдневный, полжареный, ползвѣриный, полкомплектный, полмертвый, полмѣсячный, полоружный, полотверстый, полпокрытый, полполтинный, полпрозрачный, полпьяный, полсвѣтный, полсокрытый, полтрепещущий, полхромой*²¹.

Иные, чем в современном языке, взаимоотношения элементов *пол-/полу-* в функции аффиксов являются следствием не совпадающего полностью с современным положением слова *поль* и его парадигмы в системе языка XVIII в. Их можно отнести к явлениям, связанным с относительно недавно начавшимся уходом на периферию языка числительного *поль* как полноценной лексемы. Такого же рода рудименты выявляются и при анализе способов выражения в XVIII в. спектра значений лексемы *поль*.

3.2. Семантические особенности слова *поль*

Актуальность для языка XVIII в. тесной связи лексемы *поль* с количественными парадигмами отражается на способах ее оформления в разных значениях. Материалы КСХVIII показывают, что в данный период счетная конструкция более активно конкурировала с аффиксоидом. Фактически весь спектр значений слова — связанных с идеей счета и переносных качественных — в XVIII в. может выражаться с применением счетной конструкции. Значения, специфические для аффиксоида *полу-* [БТС: 907; Козулина и др. 2009: 191—192; БАС: 531] и выражаемые в современном языке только путем прибавления аффиксоида, фиксируются в КСХVIII в И—ВП для несвязанного слова *поль*.

Различие между качественными употреблениями слова *поль* связано с разной степенью близости данного элемента к точному значению ‘половина’ [Востокова 1984: 93—99]. Наиболее близки к нумеральному значению случаи, связанные так или иначе с количественным параметром, — *поль* в таких примерах передает уменьшение вдвое какой-либо из характеристик предмета. К этому разряду можно отнести обозначения существ, имеющих двойную природу: [Гермафродит] *увидѣль, что уже его в по(л) мущины тѣ житкие воды обратили, бывъ целымъ мущиною в нее опуца члены свои*. Кн. премен I 310 [ок. 1702—06]²². *Halbmann, semivir, поль мужа*. ВЛ 272; *Halb-ochs, semibos полу бык, пол быка, половина быка*. ВЛ 272 [1731]; *Demi-homme. Ein halber Mann. Semivir. Пѣлмужа, получеловѣк*. ЛВ¹ I 683; *Gebornen von einem Mohr und einer Indianerin, oder von einem Indianer und einer Mohrin. Natus ex Indo et Aethiopica foemina, vel ex Aethiope et India. Vide Metis. Полуарап, полмурина, от арапа и Индианки или от Индѣйца и*

²¹ По материалам С. А. Пономаренко, в XIX в. вариант *пол-* еще сохраняет близкую степень активности: компоненты *пол-/полу-* сочетаются с прилагательными в соотношении 18/289 [Пономаренко 1985: 160].

²² Книги Метаморфосеон, или премен, Пувлием Овидием Насоном стихом описанных. [1700-е гг.] Ркп. БАН, П.І.Б.101.

аранки рожденной. ЛВ¹ II 449 [1755]. Материал представлен в основном примерами из переводных словарей, однако надо обратить внимание на то, что во всех случаях, кроме первых двух, даются параллельные варианты — счетная конструкция и универб. Передача этого значения в Лексиконе С. Волчкова с помощью конструкции могла появиться под влиянием немецкого соответствия, однако в Лексиконе Э. Вейсмана то же сочетание соответствует немецкой (и латинской) цельнооформленной лексеме. Следует также учесть, что при этом *поль* в конструкции сочетается с одними лексемами (*мужь*, *муринь*), а в лексикализованной форме — в другими (*человѣкъ*, *арань*). Это говорит о том, что тот или иной способ выбирался не механически под влиянием иноязычного соответствия, но был лексически обусловленным.

Менее связана с делением пополам группа примеров с *поль*, где оно имеет значение уменьшенной или упрощенной модификации объекта, стоящего в позиции исчисляемого. В материалах Г. В. Востоковой, относящихся к XVI—XVII вв. [Востокова 1984: 95—98], в подобных случаях применение счетной конструкции не отмечено. В КСXVIII есть следующие примеры: *У него Василья есть по(л) лавки в подошевномъ ряду*. ПМ XVIII 96 [1704]; *Господина Салтыкова полболварка переделывают*. ПБП VIII 594²³ [1708]; *Попалось рыбаку, на рыбной ловль, в руки, Из нѣвода полущуки; Однако рыбы часть не такова; У етова куска и хвост и голова; ... А именно была не щука то, а щучка. Была гораздо молода*. Сум. Притчи 96 [1762]; [Вѣтродумовъ:] *Онъ не дуракъ, а съ ума сошелъ на дворянствѣ и на нарядахъ — Лукерья — та полдурочки*. Дв. купец 124 [1789]; *Ein halber Feuertag, пол-праздника, небольшой праздникъ*. Ад. I 745 [1798].

Приведенные примеры разнородны, как и сама сфера метафорического употребления слова *поль*. Нужно подчеркнуть, что применение счетной конструкции для этой сферы в целом является перенесенным по аналогии с частотным числовым употреблением слова *поль*. Такая экспансия, как показывает разнородный характер примеров, не была целенаправленной и перспективной. Для каждого из примеров, видимо, характерна разная степень стабильности в использовании квантитатива и специфические условия употребления.

В примерах *полболварка* и *пол лавки* сочетания в прямых падежах используются наряду с лексикализованными формами в косвенных падежах. Пример из документа 1704 г. интересен в более широком контексте, ср. далее: [Василий] *наиму с той полулавки что в подошевномъ ряду да с рендука в саидашном ряду берет тринадцат рублев а пол лавки что в саидашном ряду стоит пуста а оброку с тѣх дву полулавок и с рендука платит триццать восьм а(л)тнѣ*. ПМ XVIII 96. Образование *поль лавки*

²³ *Болварк* — «Форт. Крепостное укрепление, бастион» [СлXVIII II: 96]. Ср.: *Горнверкъ ... есть внѣшняя часть крѣпости состоящая изъ дву полуболверковъ и куртины*. ВЛ 312 [1731].

используется не единично, однако непосредственно соседствует со вполне лексикализовавшимися (*с той полулавки*) образованиями косвенных падежей. В этом примере, по-видимому, можно говорить о расщеплении на две парадигмы (в значении ‘уменьшенный вариант’, современному языку не свойственном). Та ступень развития, на которой находится счетное *поль* в XX в., для начала XVIII в. оказывается свойственным его переносным значениям.

Пример из басни А. П. Сумарокова, по-видимому, основан на языковой игре. Предметом обыгрывания в данном случае является переходный статус лексемы *поль*: в соответствии с устаревшим употреблением *поль* с РП может передавать переносные значения лексемы (‘уменьшенный вариант’), а в новой норме квантитатив сохраняет лишь базовый набор «числительных» значений. Сочетание *поль щуки* уже должно значить ‘половина щуки’, но Сумароков актуализирует в достаточно длинном объяснении еще один вариант понимания этого сочетания — видимо, находящийся на периферии языкового употребления этого времени.

Сочетание *подурочки* имеет переходный в семантическом плане характер: оно может относиться также к другому кругу употреблений *поль*, передающих недостаточность проявления признака в чем-либо. В этом значении конструкция *поль* + РП применяется и в современном языке, ср. оформленные в отдельные словарные статьи *полгоря*, *полдела* [БТС: 898]; *полбеды* [БАС: 434] и др.

Последний из приведенных примеров (*поль-праздника*) содержится в словаре, переводит немецкое выражение и, по-видимому, примыкает к группе словарных переводных примеров, рассмотренных выше.

Проявление в XVIII в. единичных примеров экспансии счетной конструкции на область, в которой в современном языке прочно закрепилось применение аффиксоида *полу-*, дополняет картину более свободного употребления слова *поль* в данный период.

Выводы

Проделанный анализ позволяет выделить в истории слова *поль* и половинного квантитатива в XVIII в. два периода. Огрубленно их можно обозначить как первая треть и остальная часть века. Первый период характеризуется сохранением большинства черт, имевшихся у слова *поль* в предшествующий период. В первой трети XVIII в. полноценное сохранение данной лексемой самостоятельности подтверждается рядом параметров:

1) *Поль* употребляется в изолированном виде вне идиоматических адвербиализованных сочетаний;

2) Возможна вставка атрибутивного компонента (не считая порядковых числительных) между словом *поль* в косвенном падеже и субстантивом исчисляемого;

3) Половинный квантитатив активно используется при счете сотнями и тысячами;

4) *Поль* может участвовать в составных числительных;

5) Применение половинного счета для обозначения часа времени не выделяется на фоне других считаемых этим способом единиц;

6) В формате счетной конструкции может быть представлено переносное значение *поль* ‘упрощенная разновидность’.

Во второй период лексема *поль* утрачивает указанные свойства, но при этом окончательного перехода элемента *пол-/полу-* в косвенных падежах в ранг аффиксоида не происходит по причине сохранения в языке одного из основных сдерживающих факторов — конструкций половинного квантитатива. Об отдельнооформленности форм косвенных падежей лексемы в данный период также свидетельствуют контексты, в которых эти формы используются в ряду однородных членов наряду с другими существительными с количественной семантикой.

Таким образом, период полноценного использования слова *поль* в качестве отдельной лексемы в XVIII в. хронологически оказывается соотнесен со временем сохранения церковнославянского языка в качестве литературного — приблизительно до 1730 г. [Алексеев 2013: 68] и попыток создания его упрощенного варианта [Кутина 1978: 263], конструирования «нового секулярного языка» на материале «гибридного регистра письменного языка предшествующей эпохи» [Живов 2004: 25]. В этих условиях оказывается возможным функционирование слова *поль* и конструкций с его участием по консервативным нормам употребления. Квалификация половинных числительных как просторечных в *САР*² показывает, что использование этого типа конструкций поддерживалось в языке не только церковнославянским употреблением. Дальнейшее постепенное ограничение самостоятельности данной лексемы в языке показывает, что при последующей кодификации, связанной с ломоносовским периодом языка XVIII в., черты, обеспечивавшие самостоятельность слову *поль*, не проходят нормативный отбор и только в редуцированном виде существуют оставшуюся часть столетия.

Л и т е р а т у р а

АГ-1952 — Грамматика русского языка. Т. I. М., 1952.

АГ-1960 — Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология. М., 1960.

АГ-1980 — Русская грамматика. Т. I: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М., 1980.

Алексеев 2013 — А. А. Алексеев. Русский литературный язык в XVIII в. // А. А. Алексеев. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб., 2013. С. 65—80.

Багрянский 1957 — И. М. Багрянский. Имя числительное в русском языке XI—XVII вв. // Труды Узбек. ун-та. Вып. 71. Самарканд, 1957.

Багрянский 1962 — И. М. Багрянский. К вопросу о развитии числительных как самостоятельной части речи в русском языке // Труды Самарк. гос. ун-та им. А. Навои. Новая серия. Вып. 118. Исследования по русскому языку. Самарканд, 1962. С. 207—217.

Барсов 1981 — «Российская грамматика» Антона Алексеевича Барсова. М., 1981.

БАС — А. С. Герд (гл. ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. 18. М.; СПб., 2011.

Биржакова и др. 1972 — Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.

Буланин 1976 — Л. Л. Буланин. Трудные вопросы морфологии. Пособие для учителей. М., 1976.

БТС — С. А. Кузнецов (гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.

Виноградов 2001 — В. В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. М., 2001.

Востокова 1984 — Г. В. Востокова. Семантическая мотивация сложного слова (об одном из значений *пол-/полу-* как первого компонента сложений в русском языке XI—XVII вв.) // Вопросы языкознания. 1984. № 1. С. 90—100.

Граудина и др. 1976 — Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976.

Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 2006.

Дровникова 1959 — Л. Н. Дровникова. Сложные образования с *поль* в русском языке XIV—XVII веков // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1959. Вып. 2. С. 206—215.

Дровникова 1985 — Л. Н. Дровникова. История числительных в русском языке. Владивосток, 1985.

Дьячкова 2009 — И. Н. Дьячкова. Имена числительные: состав, структура и функционирование в русском литературном языке XVIII века. Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2009.

Еськова 1994 — Н. А. Еськова. Краткий словарь трудностей русского языка: Грамматические формы. Ударение. М., 1994.

Еськова 2009 — Н. А. Еськова. Слитные/дефисные написания существительных и цельнооформленность слова // Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика. М., 2009. С. 59—68.

Живов 2004 — В. М. Живов. Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII веков. М., 2004.

Жолобов 2005 — О. Ф. Жолобов. Динамика древнерусских числительных: половинный счет // Russian Linguistics. 2005. No. 2. Vol. 29. P. 201—211.

Жолобов 2006 — О. Ф. Жолобов. Числительные // Историческая грамматика древнерусского языка. Т. IV. М., 2006.

Зализняк 1980 — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Ок. 100 000 слов. 2-е изд. М., 1980.

Зализняк 2002 — А. А. Зализняк. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002.

Качевская 1969 — Г. А. Качевская. К истории сложных существительных с *пол-* и *полу-* в русском языке // Вопросы теории и истории языка. Сб. статей, посвященный памяти Б. А. Ларина. Л., 1969. С. 322—329.

Козулина и др. 2009 — Н. А. Козулина, Е. А. Левашов, Е. Н. Шагалова. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника. СПб., 2009.

КСХVIII — Картотека Словаря русского языка XVIII века. ИЛИ РАН.

Кутина 1978 — Л. Л. Кутина. Последний период славяно-русского двуязычия в России // Славянское языкознание. VIII международный съезд славистов. Загреб — Люблина, сентябрь 1978 г. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 241—265.

Левашов 2012 — Е. А. Левашов. Какого рода сложные существительные с первой частью *пол...* ('половина') (к постановке вопроса) // От значения к форме, от формы к значению: Сб. статей к 80-летию члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко. М., 2012. С. 373—374.

Ломоносов 1952 — М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии 1739—1758 гг. М.; Л., 1952.

Мельчук 1985 — И. А. Мельчук. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wien, 1985.

Немченко 1978 — В. Н. Немченко. О сложных существительных с начальным компонентом *пол-* (*полу-*) в современном русском языке // Русский язык в школе. 1978. № 6. С. 84—89.

Осовская 1971 — В. Е. Осовская. Образования с *пол-* и *полу-* в современном русском языке // Уч. зап. Горьк. пед. ин-та. 1971. Вып. 115. С. 54—63.

Пономаренко 1985 — С. А. Пономаренко. Наблюдения над семантикой *пол-* / *полу-* в сложных словах в русском литературном языке XIX века // Лингвистические исследования 1985. Структура языка и языковые изменения. М., 1985. С. 154—161.

Приемышева 2012 — М. Н. Приемышева. Некоторые особенности функционирования количественных числительных в русском языке XVIII в. (по материалам картотеки «Словаря русского языка XVIII в.») // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. 8. Ч. 3. СПб., 2012. С. 189—198.

СДРЯ — В. Б. Крысько (гл. ред.). Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 7. М., 2004.

СлXVIII — Ю. С. Сорокин (гл. ред.). Словарь русского языка XVIII в. Л.; СПб., 1985—.

СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 16. М., 1990.

СЛУ — Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков (гл. ред.). Толковый словарь русского языка. Т. 3, М., 1939.

Супрун 1969 — А. Е. Супрун. Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи. Минск, 1969.

Шахматов 1941 — А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941.

Шахматов 1957 — А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957.

Шульга 1978 — М. В. Шульга. Парадигма типа *медь* в древнерусской письменности // Исследования по исторической морфологии русского языка. М., 1978. С. 3—40.

Резюме

Слово *пол* ‘половина’, сохранявшее в древнерусском языке лексическую самостоятельность, в современном русском языке в значительной степени ее утратило. В статье рассмотрена история данной лексемы — в формальном и семантическом аспектах — в XVIII в. Употребление слова в функции числительного описывается на фоне его субстантивных значений — ‘середина’, ‘сторона’, ‘приблизительно половина’. Показано, что именно в течение XVIII в. лексема *пол* утрачивает основные характеристики, поддерживавшие его самостоятельность в косвенных падежах. Ключевым моментом в функционировании слова стал переход к литературному языку нового типа в первой половине XVIII в. Во вступительных разделах статьи дается обзор исследований по истории русских числительных, а также обсуждаются проблемы, возникающие в лексикографической практике при разработке слова *пол* на разных этапах его истории.

Ключевые слова: русский язык XVIII в.; количественные числительные; половинный квантитатив; история русского литературного языка.

Статья получена 26.12.2015

GEORGIY A. MOLKOV

THE HISTORY OF THE WORD *ПОЛ* IN EIGHTEENTH-CENTURY RUSSIAN (Based on the card files of the dictionary of the Russian language of the 18-th century)

The word *pol* ‘half’ had an independent status in Old Russian but in Modern Russian has almost lost it. The paper examines the history of this lexeme — in formal and semantic aspects — in the eighteenth century. Its usage in its numeral function is described against the background of substantival meanings ‘middle’, ‘side’, ‘about a half’. It is shown that in the first part of the century the word *пол* loses the main properties of an independent word in objective cases. The change of the type of literary language in the epoch of Peter I was a crucial point in this process. The opening paragraphs of the article provide an overview of the studies of the history of Russian numerals and discuss the problems of lexicographical interpretation of the word *пол* at different stages of its history.

Key words: the eighteenth-century Russian language; cardinal numerals; half quantitative; history of the Russian Standard language.

Статья получена 26.12.2015